

Раздел I. ЯЗЫКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ: ОВЛАДЕНИЕ И ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ

УДК 81'233
ББК Ш100.6

Т. А. ГРИДИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург)*

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОТИВАЦИОННЫХ ЭВРИСТИК ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение спонтанной (компенсаторной) и осознаваемой (игровой) лингвокреативности применительно к сфере детской речи. С этих позиций характеризуется феномен мотивационной рефлексии, проявляющий стремление ребенка к «прояснению» внутренней формы наименования. Выделяются основные функции мотивационных эвристик детской речи: прогностическая, уточняющая, игровая. Показателем игровой интенции признается осознание условности выдвигаемой мотивационной версии, произвольное толкование слова (на основе всплывающих ассоциативных аналогий). Экспериментальная верификация ассоциативного потенциала детских мотивационных эвристик выступает средством диагностики и одновременно формирования интенции к языковой игре. Такая ситуация создается при толковании респондентами (дошкольниками и школьниками младшего и среднего звена) фактов ремотивации слов, зафиксированных в спонтанной детской речи. Предлагается новая модель лексикографического представления детских инноваций, включающая зону экспериментальных данных.

Ключевые слова: языковая игра, мотивация, инновации детской речи, онтолингвистическая лексикография, лингвистика креатива.

Эвристики детской речи – одно из главных проявлений ее лингвокреативной природы. Именно конструктивный характер усвоения вербального кода определяет выход ребенка из «зоны языкового принуждения» в «зону языковой свободы» [Ажеж 2003], где проявляется не только нереализованный потенциал

языковой системы, но и ментальные ориентиры восприятия ребенком окружающего мира, отражаемые в содержании и форме детских инноваций) [Гридина 2016].

Рефлексивная доминанта как основа интерпретации детьми «готовых» слов – яркая черта детского языкового сознания. Как известно, дети «не терпят пустых форм» [Негневицкая, Шахнарович 1981] и стремятся установить объяснимую связь между названием и тем, что оно обозначает.

Мотивационные эвристики детской речи, связанные с «прояснением» внутренней формы слова, имеют **прогностическую, уточняющую и игровую функции**.

В первом случае, основываясь на ассоциациях по созвучию, ребенок **выдвигает собственную гипотезу («догадку»)** о значении незнакомого слова (уподобляя его известному, знакомому). Чаще всего такие ассоциативные сближения, устанавливаемые на основе только формального (приблизительного звукового сходства) сближаемых слов, имеют парадоксальный характер и/или получают ситуативное обоснование. См., например: **ГОЛЛАНДЦЫ**¹. Те, кто забивают голы. Смотрит футбол (матч команды России с Голландией). Спортивный комментатор объясняет: «Счет 1:0 в пользу голландцев». Кирилл: – *Голландцы – потому что голы забивают?* (6 л. 2 м.). Детская версия о значении непонятого слова, высказанная в форме вопроса, – результат ложноэтимологического сближения *голландцы* с созвучным *гол* (применительно к ситуации футбольной игры и реплике комментатора). Мотивационные эвристики этого типа демонстрируют механизм выводного знания на основе интуитивно ощущаемого ребенком правила: «сходные по звучанию слова связаны по смыслу».

Вторая функция подобных сближений обусловлена рефлексией над мотивированностью наименования, референт (денотат) которого ребенку известен. Введение нового «корня» в модельную сетку готового слова (А.А. Реформатский) – механизм ре-

¹ Приведенные в статье примеры извлечены из «Объяснительного словаря детской речи» [Гридина 2012], а также зафиксированы автором статьи процессе наблюдений над детской речью.

мотивации и реноминации, уточняющий актуальные для детей аспекты обозначаемого. Такая корректировка «логики» наименования осуществляется с позиций когнитивного опыта ребенка. Основания для уточнения мотивационной формы, имея «рациональный» или эмоционально-экспрессивный характер, часто выявляют буквализм и ситуативную конкретику детского языкового сознания.

Например: **БУЛЬКИ**. Буйки. – *Папа, мы когда поедем на море, ты за бульки заплывать будешь?* – За какие такие бульки? – *Ну, за те, где вода булькает* (Кирилл, 5 л., 6 м.). Ассоциативное сближение и частичное уподобление буйки и булькать проявляет актуальный для ребенка ситуативный смысл данного слова (ср. выражение *заплывать за буйки*). **БАТАГРЁЯ**. Батарея. Собирается на улице. Не может найти валенки. Спрашивает: – *Баба, ты опять мои валенки на батагрею поставила?* (Кирилл, 6 л.). Мотивация слова-модификата, созданного путем сближения *батарея* с глаголом *греть*, характеризует предмет по его назначению.

Третья функция мотивационной рефлексии проявляет интенцию ребенка к ремотивации и/или реноминации как форме языковой игры (ЯИ), когда ребенок осознает условность собственной инновации, сквозь призму которой «просвечивает» прототип. Игровая мотивация также может иметь ситуативный характер. Например, в парке, стоя в длинной очереди на «чертово колесо», где уставшие люди перебрасываются раздраженными репликами, четырехлетний Даня разочарованно констатирует: *Это какое-то колесо обозления, а не обозрения!* (сказал и смеется – понравилось собственное определение). Ср. ложноэтимологический характер шутливой мотивации детьми имен и прозвищ: *Домна* (отфамильное прозвище от *Маша Домшакова*, которая все время болеет и *дома сидит*); *Нина Выгановна* – строгая воспитательница Нина Вагановна; старуха *Шляпакак* – ложноэтимологическое «прояснение» мотивации имени известного литературного персонажа на основе сближения с *шляпа* и частичной метатезы (ср. *Шапок/л/як* и *Ш/ля/пакак*). Ср. отфамильные прозвища, созданные по принципу парадоксальной ассоциативной выводимости: *Лысаков* – *Кудрявый*, *Толстиков* –

Кощеев, Правдина – Врундина. Расстояние между словом-прототипом и игрой (термин наш. – *Т.Г.*) может иметь несколько ассоциативных шагов: так, *Турнепс* – прозвище девочки по фамилии *Дубасова* – выводится, по объяснению ее одноклассников, на основе следующей «цепочки»: *Дубасова – Дуб – Дубс – Эвкалиптс – Турнепс*, прозвище *Жилин и Костылин* образуется от фамилии *Жилич* и *Костылев* (на основе спровоцированной созвучием ассоциативной связи с прецедентными именами известных школьникам героев повести Л.Н. Толстого) [см.: Гридина 1996].

Игровая составляющая ложноэтимологических (произвольных мотивационных) сближений в сфере детской речи требует экспериментальной верификации ввиду известной субъективности суждений о преднамеренности/непреднамеренности таких явлений с позиций взрослой логики. Другой причиной обращения к экспериментальным процедурам реноминации и ремотивации является необходимость диагностики и развития (формирования) осознанной интенции ребенка к ЯИ (т.е. тренингу его игровой компетенции).

Методом верификации может стать процедура прямого толкования – психолингвистическая методика, предполагающая возможность объяснения стимульного слова любым удобным для респондента способом. Такая установка «снимает» с участника эксперимента психологический зажим, связанный со стремлением найти правильный ответ: незнание реального значения не является препятствием для выдвижения собственной версии о возможном значении слова и включает ребенка в игровую тренинговую ситуацию (поиск решения нестандартной задачи стимулирует проявление лингвокреативности в доступном детям регистре). При этом важно учитывать, что особенности развития речи ребенка варьируют в диапазоне «универсальное – общее – дифференциальное – индивидуальное» (см. об этом: [Доброва 2011]), что, в частности, отражается и в разной степени склонности и способности детей к ЯИ [Гридина 2013].

Осознание значений мотивационных инноваций детской речи респондентами того же возраста, что и их авторы (дошкольники), а также детьми младшего и среднего школьного звена

должно проявить, во-первых, релевантность самой техники прояснения внутренней формы слова для создания эффекта ЯИ; во-вторых, обнаружить вариативный потенциал реализуемой игровой интенции. Ср., например, инновации, зафиксированные в живой детской речи, и их толкования, полученные в условиях эксперимента: *гребетух* (петух с гребнем): *кто на лодке едет, гребет веслами; расческа; грибник*; *домна* (кто дома сидит): *домовой; большой дом; бабушка*; *голень* (голый живот): *человек без одежды, нет ни штанишек, ни рубашки; гол; ленивый тюлень*; *альдытып* («квазислово», употребленное придумавшим его ребенком в значении «птичка»): *альпинист-неудачник* (хотел покорить Альпы, но не смог – пояснение респондента), *следопыт, медведь, Топтыгин* и т.п. Последний пример особенно показателен в плане экспериментальной верификации игровых проекций в мотивации и выявлении детьми семантического потенциала окказионального слова-фоносеманта (см. подробно в: [Гридина 2015]).

Сопоставление ложноэтимологических эвристик в спонтанной детской речи и в ситуации эксперимента позволяет сделать некоторые выводы относительно специфики данного процесса как одной из стратегий усвоения языка и ее роли в развитии способности ребенка к ЯИ. К этим особенностям, по нашим наблюдениям, относятся:

1) тесная взаимосвязь ложноэтимологической мотивации с процессами компенсаторного словотворчества, ориентированного на потребности выражения ситуативного и личностного смысла при дефиците (отсутствии в языке и/или лексиконе ребенка) необходимых средств номинации. Ср., например: **ВСЕОН** – компенсаторная реноминация, связанная с обозначением единицы счета, не имеющей «предела»: – *А мы в школе считаем до миллиона. – А мы в садике – до всеона!* (К.Чуковский); **ЛЮДОКО́Л**. Человек, который расталкивает людей в толпе. Мама забираются с сыном в переполненный автобус. Пытаются продвинуться сквозь толпу. Сын недовольно: – *Мама, я не хочу быть людоколом!* (6 л.); **ГОЛОДИ́ЛЬНИК**. Пустой холодильник. Забегает на кухню и заглядывает в холодильник: – *У нас сегодня не холодильник, а голодильник – совсем пу-*

стой! (Даня, 6 л.) – реноминация на основе ситуативного сближения *холодильник* с мотиватором *голодный* (ср. также ассоциацию с *голый* «пустой»); **АВТОСКЛЕРОЗ**. Атеросклероз. Болезнь, которая развивается из-за недостатка движения пешком. Лиза смотрит *медицинскую* программу по ТВ, где говорят про гипертонию, атеросклероз и их профилактику. В частности, там сообщили, что нужно больше двигаться, т.к. это уменьшает риск развития **атеросклероза**. Бежит к деду: – *Деда! Тебе нужно меньше ездить на машине и больше ходить пешком. А то у тебя автосклероз будет* (5 л.). Значение незнакомого слова «проясняется» и уточняется ребенком путем введения в его состав «корня» *авто* – усеченного сегмента лексемы *автомобиль*: **автосклероз** – болезнь, которая развивается от привычки ездить везде на *автомобиле*². Остроумие и ситуативная «оправданность» предложенной ребенком реноминации, позволяют рассматривать ее как потенциальную игру;

2) корреляция результатов ложной мотивации с парадоксальными сближениями родственных слов, разошедшихся в значениях: *животное* – о том, у кого большой живот; *начальник* – первоклассник, *тот, кто ходит в начальную школу*);

3) корреляция ложноэтимологических сближений с явлением омофонического переразложения слова в потоке речи. Ср.: **БАБАЁВСКИЙ**. Принадлежащий бабе Еве. Смотрит на плитку шоколада «Бабаевский». – *Это шоколад бабушкин? – Почему? – Ну, тут же написано* (произносит слово с выделением отдельных частей): *шоколад «Баба/ Евский»* (Паша, бл. 6м.). Ситуа-

² Вполне вероятно, что данное ложноэтимологическое сближение, скорее всего, обусловлено «ослышкой», однако, как известно, такие ослышки произвольны: они, в частности, отражают «доступный» ребенку когнитивный и речевой «прогноз» относительно возможного значения незнакомого слова, что может быть спровоцировано и ситуативным контекстом его восприятия. К тому же сама техника ложноэтимологической мотивации предполагает сближение незнакомого и знакомого слов на основе не только случайного созвучия, но и рационального (смыслового) обоснования установленной связи.

тивная ложноэтимологическая ремотивация осуществляется путем разложения слова на сегменты, омонимичные словам *баба* «бабушка» и *Ева* (имя бабушки автора данного толкования); подобные манипуляции со словом могут приобретать преднамеренный характер;

4) тиражирование отрефлектированного механизма ложноэтимологической мотивации и реноминации в процессах ЯИ; ср.: *антрекот* – любимая еда *котов*; эта змея *ядовитая*, потому что она *едовитая*; *йоги* – мужья *бабы Яги*. Ср. также детские вопросы типа: *Почему бегония есть, а шагонии нету?* (Дима, 5 л.) – ложноэтимологическая мотивация *бегония* (комнатное растение) глаголом *бежать* «отзеркаливается» детским антонимическим новообразованием *шагония*. Ср. следующий диалог матери с дочерью (девочкой 6-ти лет), в котором ребенок тиражирует считанный игровой алгоритм ложной мотивации слова: – Оля, отгадай загадку: «Почему не говорят *пес зимы*, а говорят *кот лета*?» Оля (смеется, тут же придумывает свою загадку по аналогии): – *А почему не говорят как валет, а говорят как туз?*³

Отличие между эвристиками, связанными с прогностической и уточняющей функциями мотивационной рефлексии, и фактами ЯИ лежит в области осознания условности (в том числе парадоксальности) устанавливаемой связи между сближаемыми по случайному созвучию словами. Освоение этого операционального механизма – одно из проявлений экспериментальной доминанты детского языкового сознания и база для формирования игровой компетенции личности.

Доказательством сказанного могут служить результаты экспериментальных срезов, проведенных нами для выявления корреляций между спонтанными и осознаваемыми ложноэтимоло-

³ Принцип лингвистической шутки состоит в ложной мотивации слова путем омофонического членения на значимые сегменты, к каждому из которых подбирается ассоциативный эквивалент из числа синонимов, антонимов или тематически близких слов (ср. котлета – кот / лета – пес / зимы; кактус – как / туз – как / валет).

гическими реакциями на заданные стимулы (респондентами выступили дети-дошкольники и школьники младшего и среднего звена). Подобное сопоставление показательно в плане анализа практик детской лингвокреативности и их потенциального игрового регистра.

Потенциальность и реализация игровой интенции выявляются с учетом следующих факторов: 1) «логика» мотивации, объяснения значения слова самим ребенком – *буквальная* или *условная*⁴; 2) механизмы (характер ассоциативного сближения) и тип проявленной мотивационной рефлексии ребенка (опознание детьми-респондентами прототипа в модифицированной форме стимульного слова и /или новые версии его ремотивации); 3) спектр вариативных толкований, полученных в условиях направленного эксперимента (их количество, категориальное разнообразие, нестандартность). Именно этими параметрами (в терминах психологии «*беглость*», «*гибкость*» и «*оригинальность*») измеряется креативность любого вида (в том числе лингвокреативность, имеющая как компенсаторный⁵, так и преднамеренно игровой характер).

Приведем некоторые примеры корреляций между инновациями, излеченными из живой детской речи, и интерпретациями данных слов в эксперименте (такое совокупное описание может, с нашей точки зрения, стать *основой новой модели лексикографического представления лингвокреативного потенциала детских инноваций*):

⁴ См. стратегии толкования детьми дошкольного возраста собственных инноваций в: [Кусова 2015: 148-154].

⁵ Под *компенсаторной креативностью* нами понимается создание детских инноваций в ситуации номинативного и когнитивного «дефицита», когда эвристики ребенка в области слово-, формообразования и мотивации слов не осознаются им самим как отклонение от нормы (не имеют характера преднамеренности и условности). Это, однако, не исключает проявления интенции к осознанной игре с формой и значением слова уже в дошкольном возрасте (даже на этапе раннего онтогенеза), что, конечно, не является универсальной тенденцией и зависит от «уникальности» речевого развития каждого конкретного ребенка.

АВАРИЙНАЯ МАШИНА. Машина, которая возит варенье. Услышав в разговоре взрослых реплику о том, что нужно вызвать аварийную машину, *шутит*: *Аварийная машина это та, которая варенье возит?* (Настя, 5 л.).

Мотивация по принципу ложной этимологии: уподобление слов по случайному созвучию (ср. *аварийная* и *варенье*). Потенциальная игровая функция таких сближений связана с осознанием их парадоксальности (условности) и намеренным моделированием комического эффекта.

Экспериментальные данные: вариативный спектр толкований: 1) *машина, которая попала в аварию*; 2) *скороварка*; 3) *скорая помощь, которая привозит детям варенье*; 4) *машина, доставшаяся Вале, которая ездит на ней не умеет*.

БАБАЙ. Муж Бабы Яги. Бабушка укладывает внука спать: – Спи, а то Бабай придёт, тебя заберет. Ваня (со страхом и любопытством одновременно): – *А Бабай – муж Бабы Яги? К Бабе Яге заберет?* (3,5 г.). Парадоксальная мотивация по сближению незнакомого слова с *Баба Яга*. Потенциальная игра.

Экспериментальные данные: вариативный спектр толкований: 1) *он детям говорит «бай-бай», спите, а то заберу с собой*; 2) *родственник Бабы Яги*; 3) *это богатый бай*.

ГОРЯЧНИК. Горчичник. – *Баба, не ставь мне эти горячники, они меня жгут* (Кирилл, 4 г.)

Ассоциативное сближение *горчичник* (от *горчица*) с созвучным *горячий* по признаку «жжения», испытываемого при использовании горчичников. Реноминация по принципу ложной этимологии с выделением актуального признака обозначаемого. В данном случае проявлен эмоционально-оценочный вектор мотивации (в слове закрепляется признак, дающий основания для выражения ситуативного протеста ребенка против «горячих» – жгущих спину – горчичников). Характеристическая выразительность детского слова задает потенциал его обыгрывания.

Экспериментальные данные: вариативный спектр толкований: 1) *горячий пирожок*; 2) *батарея*; 3) *июль (самый жаркий месяц)*; 4) *ожог*; 5) *горчичник*; 6) *песок на пляже*; 7) *кипяток*; 8) *вспыльчивый человек*.

КОФЕХЛЁБ, КОФЕСОС. Тот, кто пьет много кофе. Семья (мама, папа, бабушка, Оля – 3г. 7м.) обедают на даче. Жарко. Девочка просит пить. Ей наливают водички. Она пьет и просит еще. Бабушка: – Ты у нас водохлеб? Оля смотрит на папу, который пьет (посасывает) пиво из бутылки. – А папа *пивохлаб*. – Отец (шутя): – *Я, скорее, не пивохлаб, а пивосос*. Оля мгновенно реагирует: – А бабушка у нас *кофесос* – она все время кофе «со-сёт» (смеется). Уточняющая реноминация ситуативного типа в спонтанной речи ребенка в данном случае явно имеет характер имитационной словотворческой игры, связанной с установкой на шутку. При этом игровая интенция ребенка стимулирована всеми взрослыми участниками коммуникативной ситуации.

Экспериментальные данные: вариативный спектр толкований: кофесос – 1) *кто кофе любит*; 2) *пылесос, которым ковер чистят, если на него кофе прольют*; 3) *кофемолка*; кофехлаб – 1) *кто много пьет кофе*; 2) *время пить кофе*; 3) *мамин завтрак*.

МЫЧОК. Бычок. После поездки в деревню: – *Мама, смотри, мычок!* – *Не мычок, а бычок!* – *А вот и нет! Мычит – значит, мычок* (м., 3 г.) [Семья и школа. – 1989. № 12].

Уточняющая реноминация устанавливает рациональную связь названия с известными ребёнку свойствами обозначаемого (*бычок мычит*, значит, его «логичнее» называть *мычок*). Реализован принцип номинации животного по его голосу (сближаются корни звукоподражательного происхождения). Реальная этимология слова *бык* связана с ныне утраченным глаголом *бучати* (бык – тот, кто бучит, издает «гудящие» звуки).

Экспериментальные данные: вариативный спектр толкований: 1) *корова, папа-бычок*; 2) *корова-сын*; 3) *бычок, который мычит*; 4) *если ни с кем не разговариваешь*; 5) *смычок для игры на скрипке*; 6) *грудной ребенок*. Три последних толкования выявляют игровой потенциал стимульного слова.

Мотивационные инновации детской речи красноречиво свидетельствуют о своеобразии языкового мышления ребенка, которое характеризуется ярко выраженной «прагматичностью», связанной с использованием слова как гибкой структуры, способной указывать на актуальные для детей смыслы. Явления

ремотивации и реноминации в детской речи, безусловно, свидетельствуют о лингвокреативной природе языковой рефлексии. «Прояснение» и актуализация мотивированности готовых слов в детской речи обнажает саму «стихию возникающего наименования» (А.А. Потехня), когда внутренняя форма слова несет информацию о запечатленном в названии «образе» предмета, транслирует «мысль» номинатора (ребенка) об обозначаемом. Переведение этой рефлексивной составляющей в условно-игровой регистр – одна из возможностей постижения креативных механизмов развития языковой способности ребенка. Комплексное словарное представление фактов креативности в естественной речевой деятельности ребенка и результатов экспериментальной верификации ассоциативного потенциала детских инноваций позволит выявить универсальные и уникальные корреляции спонтанных и осознанно игровых эвристик.

ЛИТЕРАТУРА

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М, 2003.

Гридина Т. А. Имя собственное как база языковой игры // Русский язык в школе. 1996. №3.

Гридина Т. А. Онтолингвистическая лексикография как область изучения детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: Труды Уральского психолингвистического общества / Гл. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2011. № 9.

Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. /Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013.

Гридина Т. А. Что такое «альдыпып»: фоносемантические проекции детского окказионального слова (экспериментальные данные) // Уральский филологический вестник. Серия «Психолингвистика в образовании». 2015. №4.

Гридина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка. Монография. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2016.

Доброва Г. Р. Детская речь: универсальное – общее – дифференциальное – индивидуальное// *Онтолингвистика – наука XXI века. Материалы междунар. конф., посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А. И. Герцена.* – СПб., 2011.

Кусова М. Л. «Лексикографический прообраз» в детской речи // *Уральский филологический вестник. Серия «Психоллингвистика в образовании».* Вып.4// *Материалы Всероссийского семинара с междунар. участием «Психоллингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей».* 27 ноября 2015 г. – Екатеринбург, 2015.

Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. *Язык и дети.* – М., 1981

©Гридина Т.А., 2017